

Жар, охвативший тело Пэй Чана, становился все невыносимее.

Цинь Ихэ крепко обхватил его за талию, словно стремясь полностью растворить его в своих объятиях, вдавить в себя и сделать их единой плотью.

Ощущая небывалую полноту чувств, Пэй Чан блаженно прикрыл глаза. Из его груди вырвался тихий, прерывистый вздох, полный истомы.

Он прекрасно понимал, что задержался и вернулся слишком поздно.

Именно поэтому Цинь Ихэ вышел его встретить.

Одна лишь эта мысль заставляла его трепетать от сладкого, мучительного возбуждения.

— Цинь Ихэ, я немного выпил на банкете и совсем потерял счет времени... — прошептал он, пытаясь оправдаться.

В ответ объятия на его талии лишь стали крепче.

Пэй Чан, полностью растворившийся в блаженстве этого тесного объятия, даже не заметил, что в поведении любовника сквозит глухое недовольство.

Обычно немногословный, теперь он без умолку шептал на ухо Цинь Ихэ, делаясь малейшими подробностями прошедшего ужина. Однако от обилия слов внутреннее пламя разгоралось лишь сильнее. Его взор туманился, а тихая речь то и дело прерывалась сбивчивым, хриплым дыханием.

Вдруг сильные руки подхватили его под бедра и легко приподняли. Земля ушла из-под ног, и эта внезапная смена положения на миг вернула Пэй Чану крупицу трезвой ясности.

Но он тут же крепче обвил руками чужую шею, а ногами обхватил поджарую, сильную талию возлюбленного.

Ему еще никогда не приходилось видеть истинный облик Цинь Ихэ за пределами их уединенной виллы.

Чуть поодаль тускло горел уличный фонарь. Сквозь густые ветви раскидистого клена, пламенеющего багряной листвой, на них ложились причудливые, колеблющиеся тени.

Пэй Чан робко протянул руку и кончиками пальцев очертил черты его лица. В полутьме взгляд мужчины лучился лихорадочной, почти болезненной нежностью.

Внешность, которая любого обывателя повергла бы в ужас своей пугающей, чуждой природой, для него казалась прекраснейшим творением, чистым и совершенным, словно резная яшма.

Эта неземная красота Цинь Ихэ была сокровенной тайной, открытой лишь ему одному.

Вглядываясь в бездонные черные глаза без зрачков, Пэй Чан ощутил, как в груди безудержной волной вскипает дикое вожделение.

Он порывисто, с отчаянной жадностью впился в эти губы.

И так было каждый раз.

Сколько бы они ни переплетались телами, ему всегда было мало. Сколько бы ни ласкали друг друга — жажда оставалась неутолимой.

Абсолютное пресыщение и зияющая пустота внутри вели непрерывную войну, терзая его душу. Он совершенно не знал, как совладать с собой. Эта сладкая мука и пожирающее желание, казалось, выжигали саму его суть, оставляя в груди лишь пепел.

— Цинь Ихэ... хочешь моей крови?... — приоткрыв влажные губы, истомно выдохнул он.

Цинь Ихэ безмолвно уставился на него гипнотическим взором, а затем внезапно сжал его бедра и резко опустил вниз, насаживая на себя.

Из горла Пэй Чана вырвался сдавленный, хриплый стон, а лихорадочный румянец выступил на щеках и опалил кончики ушей.

Цинь Ихэ вечно казалось, что его возлюбленный слишком хрупок. Должно быть, эта ранняя седина колола сердце монстра щемящей нежностью: даже когда первобытный голод становился невыносимым, он лишь сильнее прижимал Пэй Чана к себе, оберегая от собственной силы.

В прошлый раз, когда на бедрах Пэй Чана остались болезненные ссадины, Цинь Ихэ счел это непростительной грубостью со своей стороны.

Его темные глаза, обычно лишённые всякого выражения, теперь смотрели со столь глубоким раскаянием и трепетом, будто он держал в ладонях бесценное сокровище.

Пэй Чан до безумия любил эти бессловесные, но красноречивые жесты, в которых сквозила безграничная преданность и страсть.

Но сегодня в поведении Цинь Ихэ угадывалось нечто иное.

Ощущая волны исходящего от чужого тела первобытного жара, Пэй Чан невольно вздрогнул.

Цинь Ихэ, похоже, злился.

— Цинь Ихэ...

Он не успел договорить — объятия сомкнулись с такой силой, что вдоль позвоночника пробежала волна сладостного оцепенения.

Пышная копна иссиня-черных волос Цинь Ихэ укрывала их обоих словно плащ, но при каждом движении сквозь шелковистые пряди пробивалось обжигающее прикосновение обнаженной кожи.

Его несли в дом. Трение тел при каждом шаге лишало Пэй Чана последних сил; бессильно опустив голову на широкую, горячую грудь Цинь Ихэ, он лишь хрипло и часто дышал.

Каждая клетка его существа требовала окончательного, сокрушительного падения в бездну. Разум еще цеплялся за остатки контроля, но в то же время осознание гнева Цинь Ихэ пробуждало в нем почти извращенный, пьянящий восторг.

Едва они переступили порог виллы, Цинь Ихэ усадил его на обеденный стол на первом этаже. Пэй Чан лихорадочно блестящими глазами впился в лицо любовника, который в ответ не отводил своего хищного, пристального взгляда.

Дыхание Пэй Чана окончательно сбилось. Он понимал: сейчас его поглотят без остатка.

Пэй Чан мертвой хваткой вцепился в лакированный край стола.

Он сидел, низко опустив голову; влажные пряди волос липли ко лбу, а по покрасневшемуся лицу катились крупные капли пота. В распахнутом ворота рубашки виднелись глубокие впадины ключиц, покрытые горячей испариной.

Всегда статный и неприступный, сейчас он казался донельзя хрупким.

Словно податливая кукла в руках кукловода, которую можно было легко приподнять, обхватив одной ладонью за талию.

Тонкая белая рубашка — единственное, что еще оставалось на его теле — насквозь пропиталась влагой и облепила торс, став почти прозрачной и обнажая нежную, разгоряченную кожу.

Прежний высокомерный юный наследник, а ныне — холодный, деспотичный глава корпорации Пэй, сейчас полностью растворился, безвольный и податливый, готовый принять любую позу по первому требованию своего господина.

Почувствовав навалившуюся сверху тяжесть чужого тела, Пэй Чан с трудом приоткрыл затуманенные глаза, но стоило ему приподнять голову, как чужая ладонь властно обхватила его за подбородок.

Глубокий, требовательный поцелуй лишил его последнего воздуха. Мужчина не мог даже сделать вдох; горячий язык бесцеремонно хозяйничал в его рту, даря мучительное, сводящее с ума наслаждение.

— Цинь... Ихэ... — задыхаясь, простонал он сквозь поцелуй.

Наконец его губы освободили. Тело Пэй Чана бессильно качнулось вперед, и из его груди вырвался хриплый, судорожный вздох.

Он был истощен до предела, буквально утопая в этом сладостном безумии полного, безжалостного подчинения.

В самой корпорации Пэй к регулярным опозданиям и ранним уходам генерального директора давно привыкли.

Однако сегодня Пэй Чан превзошел сам себя, вообще не явившись в офис. Утреннее совещание вела Ассистент Цзинь, в то время как сам глава компании присутствовал лишь номинально — через темное окошко видеосвязи, где не было видно ничего, кроме глухой черноты.

Все присутствующие сидели как на иголках, то и дело скашивая глаза на этот мрачный черный экран в углу монитора.

Менеджер Пэй без конца утирал холодный пот. До него уже дошли слухи, что после вчерашнего демарша его двоюродного племянника в Императорском саду Старейшину Пэй с приступом увезла скорая.

Дни старейшины были сочтены, и его единственным желанием оставалось успеть увидеть законного наследника, которого Пэй Чан обязан был произвести на свет.

Но непокорность внука окончательно разрушила планы патриарха. Тающее на глазах здоровье впервые заставило этого гордого и властного старика ощутить горький вкус собственного бессилия.

Словно на идеальном зеркале его безупречной, полной триумфов жизни вдруг пролегла глубокая, уродливая трещина.

Зачитывая отчеты, директора то и дело запинаясь, обращаясь к безжизненному темному экрану. С каждым докладом их голоса звучали все менее уверенно, а мысли докладчиков витали непозволительно далеко от работы.

В кулуарах давно шептались о таинственном любовнике, которого их суровый босс прячет на своей загородной вилле. Наверняка прямо сейчас этот изнеженный юноша удерживал генерального директора в постели, не давая подняться.

Однако по мере того как эти домыслы развивались, им становилось не по себе.

Подобная интимная сторона жизни никак не вязалась с ледяным и пугающим образом Пэй Чана. Попытки представить его в постели рождали вовсе не романтические фантазии, а леденящий душу ужас.

Думать об этом дальше не хотелось — было попросту страшно.

— Вы что, издеваетесь надо мной? — ледяной, хриплый голос Пэй Чана эхом разнесся из динамиков.

Присутствующие в конференц-зале мгновенно подобрались, сбросив оцепенение.

— Если таков ваш подход к делам, то и в штате вам делать нечего. Наша корпорация не держит бесполезный балласт.

Этот безжалостный делец в своей жестокости мог дать фору любой ядовитой гадюке.

Члены совета директоров вытянулись в струнку. И пускай они не знали, видит ли их начальник, со лба у них катился холодный пот, а внимание сосредоточилось на максимуме.

Сам же виновник переполоха в этот момент лениво полулежал в объятиях Цинь Ихэ. На его открытой шее и бледной коже бедер алели яркие следы страсти: багровые засосы, отпечатки пальцев и мелкие, похожие на капли крови следы от зубов.

В самый разгар близости Цинь Ихэ ощутимо прикусил его бедро. Струйка алой крови поползла вниз, очерчивая изгиб ягодиц. В ту секунду разум Пэй Чана взорвался ослепительной

вспышкой, дыхание перехватило, и он едва не лишился чувств от этой дикой, первобытной лавины наслаждения.

К подобным ощущениям привыкаешь пугающе быстро.

Даже сейчас, когда острые когти Цинь Ихэ едва ощутимо касались свежих меток на его теле, Пэй Чан судорожно вздрагивал от обостренной чувствительности.

Вполуха слушая монотонные отчеты из динамика ноутбука, Пэй Чан почувствовал, как к щекам снова приливает жар, а дыхание становится чаще.

Он легонько сжал ладонь Цинь Ихэ и потянулся вверх, но тот сразу же перехватил его инициативу, впиваясь в губы долгим, тягучим поцелуем.

Бездонные черные глаза монстра смотрели в упор, безмолвно изливая такую лавину темной страсти, что у Пэй Чана перехватило дыхание.

Тот, кто привык к постоянному голоду, способен долго терпеть лишения; но стоит ему хоть раз насытиться, как древний инстинкт просыпается с новой, неодолимой силой.

Пэй Чан ласково коснулся его лица. С нежностью вглядываясь в эти пугающие бездны глаз, он приподнялся навстречу и сам увлек любовника в поцелуй.

В тишине уединенной мансарды раздались влажные, интимные звуки. Голоса из динамика компьютера в какой-то момент стихли.

Некоторое время спустя Ассистент Цзинь самостоятельно завершила трансляцию.

Тем временем запертая со вчерашнего вечера в темной комнате Система «Мужчина-мамочка» 7008 безучастно созерцала пиксельную мозаику цензуры перед собой, окончательно растеряв былой задор.

Горничные, прибиравшиеся на первом этаже, озадаченно переглянулись, прислушиваясь к доносившимся сверху звукам.

Постепенно до них дошел характер этих приглушенных шумов, и лица прислуги залила густая краска.

Когда шорохи и вздохи наконец затихли, все они стояли, стыдливо уткнувшись взглядами в

пол.

Спустя какое-то время Пэй Чан спустился в гостиную. На нем была аккуратная домашняя одежда, но лихорадочный румянец на скулах и влажные, припухшие веки выдавали его недавнее бурное увлечение с головой.

Слуги застыли, стараясь даже не дышать и не поднимать глаз на хозяина.

— Господин генеральный директор, завтрак подан, — с безупречно вежливой миной произнес дворецкий, делая знак подкатить сервировочный столик.

Пэй Чан мазнул взглядом по тарелкам и равнодушно бросил:

— Хорошо.

Он помедлил секунду, глядя куда-то в пустоту, и добавил прежним ровным тоном:

— Завтра к трем часам дня вызовите плотника. Пусть починит дверь в мансарду.

Дворецкий едва заметно сглотнул и почтительно склонил голову:

— Будет исполнено.

Никто в доме не знал, что именно сокрыто за запертой дверью под самой крышей, и уж тем более никто не осмеливался туда заглядывать.

В обязанности персонала входила лишь утренняя уборка первого этажа и приготовление пищи. На второй этаж они поднимались исключительно по прямому распоряжению хозяина.

Железное правило этого дома гласило: что бы ты ни услышал и ни увидел — ты слеп и глух.

Стоило дворецкому вспомнить странные следы на обеденном столе, который он застал сегодня на рассвете, как у него по спине пробежали мурашки.

Ему было попросту страшно гадать, какое существо обитает в мансарде.

За сказочным жалованием и необременительными обязанностями крылся колоссальный психологический прессинг и строжайший обет молчания.

Наконец прислуга покинула особняк. Тяжелые дубовые двери захлопнулись, отсекая яркий

дневной свет; лишь тонкие золотистые лучи пробивались сквозь щели, расчерчивая полумрак холла.

Из темноты лестничного пролета медленно сошла высокая, статная фигура с разметавшимися длинными волосами.

Секунду назад казавшийся отрешенным и холодным, Пэй Чан мгновенно обернулся. Его лицо вновь залила нежная краска смущения, и в следующее мгновение он безвольно прильнул к широкой груди Цинь Ихэ.

Пэй Чан прикрыл глаза, вслушиваясь в мерный стук сердца монстра.

— Поешь со мной... — негромко попросил он охрипшим голосом.

Человек, который годами не знал, что такое нормальная еда и здоровый сон, только рядом с этим пугающим созданием обрел долгожданный, ни с чем не сравнимый покой.

Сам же Цинь Ихэ желал от него лишь одного: чтобы его драгоценный человек вовремя ел, крепко спал, забыв про истощающую бессонницу и отвращение к пище.

Сильные руки обняли его с неистовой, собственнической нежностью.

В глазах Цинь Ихэ этот бледнокожий мужчина навсегда оставался чистейшим, хрупким и самым бесценным куском безупречного нефрита.

[Система 7008: «...»]

<http://bllate.org/book/20309/2161809>